

ГИПОТАКСИС НА СЛУЖБЕ МОДУСА

Н. А. Андримонова

Казанский государственный университет

Сложноподчиненное предложение, будучи иерархически организованной единицей языка, приспособлено как для передачи объективного, диктумного содержания, так и субъективных, модусных смыслов. Хотя модусный план предложения носит чаще имплицитный характер, тем не менее существует ряд соответствующих структур, где модус эксплицирован. Помимо изъяснительной придаточной части, специально предназначенной для выражения различных модусных значений, что было подчеркнуто Ш.Балли [1], эту нагрузку берут на себя и так называемые относительно-распространительные предложения, нередко соотнесенные с изъяснительными по принципу прямого и обратного подчинения. Модусная семантика представлена и в усилительно-уступительных придаточных, акцентирующих субъективно-прагматический смысл.

Придаточность как автономное явление, в ряде аспектов рассмотренное Г.П. Ухановым [2], может сосредоточиться на раскрытии своего модусного потенциала, что так или иначе видоизменяет ее синтаксический статус.

Прежде всего, имеет место взаимодействие придаточности и вводности. При этом подчинительные скрепы теряют свой подчинительный характер и переключаются на выполнение иных функций. В целом вводные единицы, формально коррелирующие с придаточными того или другого вида (нередко условными) специализируются на выражении метатекстовых смыслов (*если можно так выразиться, если говорить откровенно, если хотите, как говорится, как ни странно, хоть разорвись, хоть бы и так* и т.п.).

Текстовый аспект поведения придаточного, в большей или меньшей степени изолированного от главного, ведет, с одной стороны, к явлению вставности, с другой - к парцелляции. Если иметь в виду наличие двух основных видов прозы - синтагматического и актуализирующего (Н.Д. Арутюнова [3], Г.Н. Акимова [4]), то вставность широко представлена в синтагматической прозе, строящейся по принципу максимальной реализации синтаксических связей слов, а парцеллирование в актуализирующей прозе, создающейся по принципу наибольшей расчлененности

высказывания. Тем не менее и вставочность, связанная с заключением в скобки того или иного придаточного предложения, и парцелляция, фиксируемая постановкой точки перед придаточным, образуют второй, добавочный план высказывания, нередко достаточно значимый для коммуникации.

Явление вставности, не будучи специально ориентированным только на придаточность, семантически многообразно, тем не менее придаточные, попадая на «зигзаги» линейного развертывания полипредикативного предложения, нередко, не теряя своей информативности в текстовом аспекте, перемещаются в зону модусных квалификативных смыслов (модально-оценочных).

Парцеллированные же придаточные, поданные как отдельные высказывания, чаще получают актуализационно-экспрессивное назначение.

Модусное акцентирование в функционально-текстовом аспекте свойственное тем видам сложноподчиненных предложений, в которых в той или иной степени присутствует модально-оценочный компонент (это сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными, условными, уступительными, сравнительными, а также относительно-распространительными).

Между системным синтаксисом и синтаксисом функционально-коммуникативным, в частности реализующемся в текстах художественных произведений, существуют тесные взаимосвязи, что можно проследить на отдельном языковом факте, например - на системных и текстовых характеристиках относительных предложений комментирующе-оценочного типа (Н.А. Андримонова [6]) или относительно-распространительных (В.А. Белошапкина [5]).

Выражая модусные и диктумные значения, эти предложения сосредоточивают модус в придаточной части, что отличает их от изъяснительных. Спектр модусных смыслов весьма разветвлен - аксиологические, модальные и метатекстовые смыслы. Нередко они функционируют в положении вставных, а также вводных, пополняя состав последних - *что называется, как говорится* и т.д. вставные функции этих предложений зафиксированы, например, в произведениях Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, а также в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» - *Ужель и впрямь, и в самом деле, Без элегических затей, Весна моих промчалась дней (Что я иутя твердил доселе)? И ей уже возврата нет? Ужель мне скоро тридцать лет?* В случаях дезинтеграции текста придаточные с событийно-анафорическим союзным словом подключают к нему

указательный компонент (*вот что, вот почему, вот зачем* и т.п.) и тем самым подвергаются синтаксическому переосмыслению.

Актуализация и переактуализация модусных значений представлена и в различных структурах фразеологизированного типа, построенных по моделям с включением подчинительного союза, выполняющего связующую функцию в составе сложного предложения или выходящего в текст. В последнем случае он приобретает синкретичный статус союза-частицы. В речи и тексте нередко функционируют предикативные единицы синсемантического характера, имеющие устойчивый облик - *хоть плачь, хоть волком вой, как сквозь землю провалился* и т.п. Они также наделены субъективными смыслами - интенсивности, преувеличения, гиперболичности. Одни из них переходят в состав собственно фразеологизмов и пополняют систему простых предложений, другие склонны к варьированию лексического компонента и сохранению положения на периферии придаточности.

Рассмотренный материал свидетельствует о том, что гипотаксис представляет большие возможности для модусно-прагматической корреляции устанавливаемой говорящим иерархии мыслей, связей и отношений.

Вкратце рассмотрев системный и функциональный статус гипотаксиса как наиболее ориентирующегося на модальные и другие модусные смыслы, сосредоточим внимание на аксиологических значениях сложного предложения, диктуемых современными реалиями и представлениями социума и индивида.

В сфере отвлеченных логико-семантических отношений превалируют такие, где переплетено, совмещено логическое и алогическое, прямая и обратная обусловленность, каузальность и уступительность. Это проявляется как в усилении частотности алогичных значений - следствия, результата, обратного ожидаемому, так и в совместной встречаемости показателей уступки и причины и их возможной нейтрализации. Концентрация внимания не на причинно-следственной, а на уступительной семантике, где противоречащая здравому смыслу и элементарной логике ситуация подается как приоритетная, наблюдается как в пределах отдельного высказывания, так и более объемного текста. Например, показателен следующий пример: *Так как наше производство не работает, одеты мы прилично* (М. Жванецкий). Подобные конструкции, где причинная связь не передает обусловленность следствием и близка к уступительной, становятся достаточно частотными.

Это обуславливает сдвиги и в прагматическо-аксиологических представлениях. Удивительное, странное, вызывающее недоумение в силу своей частотности приобретает характер неувидительного, не вызывающего желания осмысления, как бы уже привычного - уступительное противопоставление с непредсказуемым следствием смыкается с нормативным, закономерным, ожидаемым.

Свойственная уступительности модусная семантика - *как ни странно, как ни удивительно, непонятно* и т.п. переключается в план допущения, согласия и даже безразличия - *пусть будет то, что будет; я ко всему готов, меня это не удивляет* и т.п.

Смещаются границы между понятиями «хорошо» и «плохо» - *мы вошли в мировое хозяйство и сейчас в пору гордиться: тоном вместе с ним, но в хорошей компании* (П. Бунич).

Сочетаемость реального и ирреального, их синтезирование - один из характерных способов современной интерпретации наблюдаемого и воспринимаемого. Показателен тот факт, что реальное положение дел, событие подается как недостоверное, сомнительное с точки зрения говорящего, существующее и несуществующее не различаются в плане их функционирования. Синкретическое представление модальности реальности, нереальности, потенциальности осуществляется за счет сравнительно-уподобительных средств языка - частиц и союзов, модальных слов - *как бы, как будто (бы), вроде* и т.п.

Уступительное противопоставление охватывает широкий круг конструкций и проявляется на различных участках реляционного фонда языка. Активизировавшиеся в употреблении сравнительно-предположительные союзы и союзы-частицы не только позволяют соединить и даже поменять местами реальное и нереальное, но и подчеркнуть контрастность, несоответствие действий и мыслей, поступков и норм поведения, нравственных ориентиров и их нарушений и т.п. - *Некоторое время она молчала, вынула откуда-то маленькие очки и склонилась к витрине, как будто разглядывая цену. Как будто она что-то понимала в ценах* (В. Аксенов. Новый сладостный стиль). Повтор форманта «как будто» при неадекватном смысловом наполнении в условиях данного высказывания позволяет усмотреть в нем значение несоответствия и авторской иронии.

Экспрессивную нагрузку берут на себя и некоторые другие модели предложений, в той или иной степени ориентированные на передачу непривычного, вызывающего в определенной степени недоумение, но становящегося реальностью положения дел. - *Словом, это вам не*

Барселона, где, как оказалось, выиграть у хозяев гораздо проще, чем в Российской глубинке (Ком. правда, 20.03.98, с.6).

Претерпевает определенное переосмысление и категория интенсивности, градуальности. Любопытно, что значимость шкалы нарастания интенсивности воспринимается со знаком минус, как нечто нежелательное, раздражающее, чрезмерное, усугубляющее отрицательный эффект (двухместные форманты: *И так - а тут еще; и без того - а тут еще; и вообще-то - а тут еще; мало того что - еще и; дошло до того, что* и др.) В то время как значение малой степени признака, даже незначительной, ничтожной, нередко расценивается как положительное и обнадеживающее.

Итак, современный - синтетический - виток развития лингвистической мысли предполагает учет как оппозиции «человек - мир» (универсум), так и оппозиции «говорящий - слушающий» (социум). Реализация первого подхода на уровне изучения гипотаксиса стимулирует выявление его денотативно-модусного устройства, установления корреляции и иерархии объективных и субъективных значений и способов их проявления. Реализация второго подхода приводит к выводу, что, хотя грамматическая семантика отличается большей стабильностью, тем не менее сдвиги в реалиях и социальных сферах не могут не влиять на мыслительные процессы как в плане ценностных ориентировок, так и в плане актуализации одних значений и смыслов и погашении других.

Резюме. Гипотаксис, имея модусно-диктумное содержание, по-разному реализует модусную семантику. Она проявляется как составной компонент в изъяснительных и относительно-распространительных предложениях, а также в структурах с модально-маркированными союзами. В распоряжении модусных смыслов попадает придаточность, в той или иной степени теряющая связи с главным компонентом.

Современные социально-аксиологические доминанты способствуют тому, что реляционная сфера языка отходит от устоявшихся корреляций как в плане ценностных ориентировок, так и в плане актуализации/деактуализации значений и подзначений в соответствии с меняющимися прагматическими установками (смещение уступительности и каузальности, парадоксальности и нормативности, реальности и ирреальности и т.п.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. *Общая лингвистика и вопросы французского языка.* - М., 1955. - С.43-48.
2. Уханов Г. П. *О грамматической природе придаточного предложения.* Автореф. дис. докт. филол. наук - М., 1970. - 44 с.
3. Арутюнова Н. Д. *О синтаксических типах художественной прозы*// *Общее и романское языкознание.* - М., 1972.
4. Акимова Г. Н. *Новое в синтаксисе современного русского языка.* - М.: Высшая школа, 1990. - С. 7-14.
5. *Современный русский язык.* Под редакцией В. А. Белошапковой. - М.: Высшая школа, 1981. - С.539.
6. Андромонова Н. А. *Сложное предложение с придаточным относительным пояснительно-оценочного типа в современном русском литературном языке.* Автореф. дис. канд. филол. наук. - Куйбышев, 1961.